

С ПРАЗДНИКОМ 65-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ!

Правление Московского Союза художников поздравляет всех московских художников и особенно наших ветеранов с 65-летием Великой Победы! В этом номере газеты «Новости МСХ» мы предлагаем Вашему вниманию репортаж с выставки «Никто не забыт, ничто не забыто», которая проходила с 6 по 16 мая в залах Дома художника на Кузнецком мосту, д. 11 и материалы на тему «Художник и война». В экспозиции выставки был представлен исторический раздел, работы художников-ветеранов и произведения современных московских мастеров, посвященные этой памятной дате. С давних времен хорошо известна народная мудрость: когда грохочут пушки, музы молчат. Прошедшая выставка показала, что в годы Великой Отечественной войны это было не так. Наши московские художники в своих фронтовых зарисовках, которые стали документальными свидетельствами подвига русского солдата, передавали всю боль и трагедию войны, радость побед, и, что особенно ценно, лица наших солдат, тех, кто на своих плечах вынес все тяготы фронтовых лет и завоевал такую долгожданную Победу. В произведениях художников-ветеранов – хроника событий войны, уникальная правда тех огненных лет и судьба поколения, которому мы все обязаны тем, что можем работать, открывать выставки, просто жить и творить. Низкий им поклон!

**Московские художники, члены Союза художников –
Герои Советского Союза**

Голубовский Алексей Петрович (1907 – 1945) – художник театра

Гуревич Михаил Львович (1904 – 1943) – живописец

Московченко Григорий Савельевич (1916 – 1995) – живописец

Тяпушкин Алексей Александрович (1919 – 1988) – живописец

Шулепов Геннадий Александрович (1919 – 1975) – живописец

С. Уранова. "Портрет А. Твардовского". 1944

Е. Расторгуев. "Связь". 1944

Д. Домогацкий. "Из зарисовок военных лет". 1943

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ :

**Елисеева Анатолия Михайловича • Калашникова Анатолия Ивановича • Кузнецова Андрея Николаевича •
Полякова Дмитрия Антоновича • Ромадина Михаила Николаевича • Шитова Люциана Александровича!**

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Ученики Студии. 1946 г.

В 1945 году Правительство СССР при содействии К.Е. Ворошилова, бывшего в свое время активным организатором Студии военных художников им. М.Б. Грекова, открыло при Мосгорисполкоме Московскую городскую художественную студию для инвалидов Великой Отечественной войны. В нее принимали бывших студентов художественных учебных заведений и студий, не окончивших свое образование и ушедших на фронт. Многие из них пошли добровольцами. Принимались и инвалиды, которые нуждались в реабилитации и приобретении новой специальности. Обучение было рассчитано на пять лет по программе института. Кроме живописи и рисунка, были лекции по перспективе, истории искусства, пластической анатомии. Для студентов, не получивших среднего образования, введены были дополнительные занятия по литературе и истории по программе средней школы.

Художественным руководителем стал народный художник СССР К.Ф. Юон. Педагогами — И.М. Гурвич, Г.И. Цейтлин, Я.В. Титов, К.Ф. Морозов, И.М. Рубанов. Многие из них были боевыми офицерами, прошедшими фронт. Это было содружество бывших солдат Великой Отечественной войны, объединенных горячей любовью к искусству. Педагоги и студенты совместно совершенствовали свое мастерство.

Многие студенты были тяжелыми инвалидами с ампутированными конечностями. Был студент без обеих кистей рук

— он держал тонкие кисточки в расчленинных локтевых костях. Но горячее желание приобщиться к прекрасному искусству побеждало все невзгоды. Многие из студентов стали народными и заслуженными художниками, заслуженными деятелями искусства.

Я поступил в эту Студию сразу после госпиталя и демобилизации в 1945 году и окончил ее в 1950 году. Во время учебы я познакомился с хорошим товарищем, сибиряком из Омска Геннадием Александровичем Шулеповым. После демобилизации в 1946 году в звании майора он пришел к нам в Студию. Несмотря на разницу в возрасте (он — 1919 года рождения, а я — 1925) и в званиях (он — майор, а я — гвардии старший сержант) мы быстро и надолго подружились. Причины для этого было много. Во-первых, наше соседство. Мы жили рядом у Даниловского рынка и с занятий вместе возвращались домой: сначала по Фортунатовской улице до метро «Семеновская», затем до «Курской» и дальше в давке трамвая № 33. Время для близкого знакомства и разговоров было достаточно. Мы оба сходились в оценках произведений искусства, боготворили И.И. Левитана, восхищались великими В.И. Суриковым и В.А. Серовым. Подолгу стояли у их полотен в Третьяковской галерее, которая была для нас родным домом.

По программе Студии нужно было учиться копировать музейные оригиналы, и нам разрешалось с утра, до открытия ГТГ, копировать наших великих

классиков. В то время это было проще. По согласованию нашей дирекции с музеем мы занимались там учебной практикой. Я с увлечением копировал картину И.И. Левитана, а Геннадий — И.И. Шишкина. Обычно ранним утром в пустынных залах галереи, где со стен взирали на нас живописные шедевры в золотых рамах, а в тишине, склонившись на своем стуле, дремала одинокая зрительница, мы доставали из подсобки свои этюды и холсты и с трепетом старались постичь таинства живописного мастерства.

Было еще одно обстоятельство, которое по настоящему сроднило меня с Геннадием. В 1943 году мы оба в разных местах форсировали Днепр. Бои были очень тяжелыми. Капитан Шулепов (в то время заместитель батальона 385 стрелкового полка 112 стрелковой дивизии 60 Армии Центрального фронта) форсировал Днепр со своей частью у села Ясногородок Вышегородского района Киевской области. Часть переправилась и длительное время с тяжелыми потерями удерживала плацдарм на правом берегу до подхода наших основных частей. Командир батальона погиб в бою, и Шулепов взял командование на себя. За этот подвиг 17 октября 1943 г. Геннадий Александрович Шулепову было присвоено звание Героя Советского Союза. А наша часть — 69-я Гвардейская Звенигородская ордена Красного Знамени стрелковая дивизия — в то время так же с тяжелыми боями форсировала Днепр в районе г. Градижска, где я был вторично ранен.

Геннадий был очень скромным человеком. Мы, студенты, знали, что он — Герой Советского Союза, но подробности его подвига я узнал только в 1953 году, когда мы вместе провели лето на пленэре в деревне Страхово близ Поленова.

Геннадий окончил Студию в 1953 году и был принят в МХТ. Весной 1953 года нам дали «подъемные» 100 рублей и отправили в «свободное плавание» с условием — осенью отчитаться этюдами. Мы с Геннадием твердо решили провести это лето в Поленове, которое полюбилось нам со времени летнего пленэра 1949 года. Тогда наша группа жила в самом музее В.Д. Поленова, а долгими вечерами сын Поленова рассказывал нам о своем отце. Зажигал лампу с огромным абажуром, изображающим аквариум с золотыми рыбками. Иногда показывал «китайские тени», которые В.Д. Поленов сделал для детворы из окрестных деревень. Притягивала нас туда и замечательная коллекция картин, подаренных

гостившими в разное время у Поленова художниками: И. Репиным, И. Шишкиным, К. Коровиным, В. Серовым.

Мне повезло сделать удачную копию из этой коллекции. Повторить изящный холст Поленова «Деревня Тургенево Подольского уезда» 1885 года. Геннадий копировал Шишкина «Сосны, освещенные солнцем», что входило в нашу учебную программу.

Мы часто бывали в мастерской Поленова, выстроенной по его собственному проекту в готическом стиле. «Мое аббатство» — так шутливо называл ее Василий Дмитриевич. Мы внимательно разглядывали большой холст «Христос и грешница», детально проработанный углем, и натурные этюды, привезенные художником из Палестины, пронизанные чарующей гармонией красок и солнечным светом. И красота приокской природы, и чудесный мир речных просторов — вся эта притягательная сила вновь привела нас в благословенное Поленово.

И вот мы — самостоятельные художники — опять вдвоем в нашем любимом Поленове. Поселились в деревне Страхово на сеновале у хозяйки. Писали в самом Поленове и в его окрестностях. Это время было для нас самым счастливым. Много наработали этюдов. Но было очень голодно. Хлеб привозили в ограниченном количестве, он был черным от гречневой шелухи, которую в него добавляли. Из уважения к Герою, Геннадий в деревенской палатке выдавали буханку на неделю. Отъездили мы только хозяйской картошкой и молоком.

Осенью наступило время отчета. Работы просматривал Малый Совет. Но был еще и Большой. Состав их был один и тот же: П.П. Кончаловский, А.А. Пластов, С.В. Герасимов, Б.В. Иогансон, т.е. почти весь цвет нашего классического реалистического искусства. Малый Совет рассматривал в основном пейзажи на реализацию, Большой же — эскизы и работы к большим тематическим выставкам.

Геннадий быстро прошел просмотр, у меня тоже все было благополучно. Только Пластов подошел посмотреть работы поближе, они стояли на подиуме, где до сих пор проходят выставки и открытия, и, подумав, сказал с характерным акцентом: «Хорошо, хорошо, но не хватает свирели». Вечером, возвращаясь домой, я рассказал Геннадию о словах Пластова. Он быстро ответил: «Да, он прав. Нам всем, бывшим солдатам-окопникам, не хватает свирели!».

Для пейзажей Геннадия Шулепова было

Герой Советского Союза Г.А. Шулепов характерно декоративное решение при локально решенном живописном строе. Это было в его характере. Геннадий раньше всех нас вступил в Союз художников СССР.

К этому времени в системе Союза окончательно сформировались производственные Комбинаты. В Москве на улице Горького, д. 48 в кооперативном доме заработал Комбинат живописного искусства. И все члены Союза имели там право на получение серьезной работы. Геннадий сдавал на Худсовет в основном пейзажи средней полосы, выполненные по этюдам с натуры. Участвовал в выставках художников-ветеранов Великой Отечественной войны, которые традиционно открывались к 9 мая на Кузнецком.

В 1970-е годы мы стали видиться реже. У меня много времени отнимала административная работа, а в 1970 г. я был назначен директором Комбината живописного искусства. В это время Геннадий был уже тяжело болен. Мы на память обменялись с ним холстами, и я до сих пор храню его картины.

Когда Геннадий Александрович умер, меня не было в Москве. Его похороны состоялись 22 января 1975 г. в Омске. Публикую эти воспоминания, я хочу, чтобы в нашем Московском Союзе художников в эти праздничные дни 65-летия Великой Победы вспомнили нашего товарища, художника-живописца, Героя Советского Союза — Геннадия Александровича Шулепова.

В.Н. Лебедев, заслуженный художник России, участник ВОВ

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

В январе-феврале 2010 г. в 23 зале Центрального Дома художников проходила выставка народного художника РФ, почетного члена Российской академии художеств, вете-

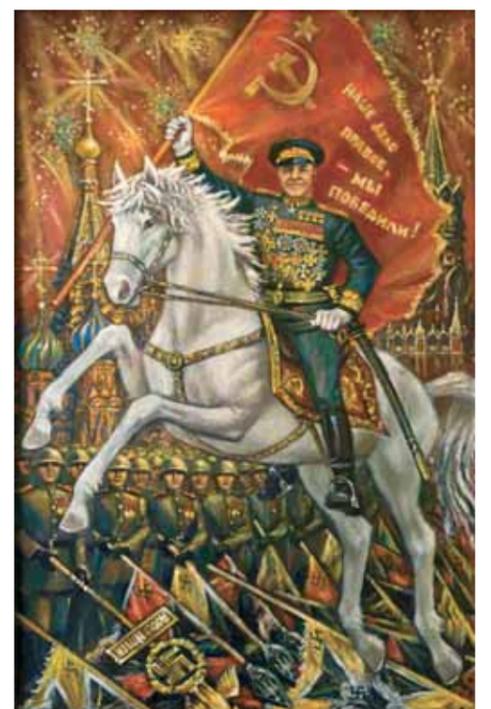
рана Великой Отечественной войны Владимира Дионисовича Каленского, приуроченная к 90-летию юбилею художника. В выставке приняли участие члены его художественной семьи — Лариса Никишина и Анисия Каленская. Конечно, прежде всего, привлекали внимание работы живописца, связанные с военной тематикой: «Парад Победы. 1945», «6 декабря 1941 г.», а также портреты, автопортрет с внучкой, композиции и пейзажи. Работы на военные темы являются скорее композициями, решенными в символическом плане и отражающими ключевые события военных лет, а «мирные» полотна связаны с жизненными наблюдениями, образами близких людей, впечатлениями от природы.

Художник, часто бывая на своей выставке в ЦДХ, сам рассказывал гостям и зрителям о творческих

планах и об истории создания своих работ. И слушать его было одно удовольствие! Мы сегодня в суете будней до конца не осознаем, как важно успеть расспросить наших ветеранов о том, что им пришлось пережить и, конечно, поблагодарить их за все. Их работы, созданные как в годы войны, так и потом, являются не только нашим художественным достоянием, но и историческими документами, заслуживающими особого внимания.

В эти праздничные дни хочется поздравить Владимира Дионисовича Каленского с прошедшим юбилеем и с 65-летием Великой Победы и пожелать художнику и ветерану крепкого здоровья и осуществления всех его творческих замыслов!

Радослава Конечна

"Парад Победы. 1945". 2004

СТИХИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

Леонид Николаевич Рабичев родился в Москве в 1923 г. С пятнадцати лет начал писать стихи. В 1940 г. поступил в Московский юридический институт, где литературным кружком руководил Осип Максимович Брик. Членами того предвоенного кружка были поэт Борис Слуцкий и прозаик Владимир Дудинцев. В 1942 году после окончания военного училища лейтенант Рабичев участвовал в боях на Центральном, Третьем Белорусском, Первом Украинском фронтах, освобождал Ржев, Вязьму, Смоленск, Оршу, Минск, Гродно, воевал в Восточной Пруссии, Силезии и Чехословакии. Награжден двумя орденами Отечественной войны второй степени, орденом Красной Звезды и одиннадцатью медалями.

В 1951 году окончил художественное отделение Московского полиграфического института, работал в области рекламной и книжной графики, много и успешно занимается живописью. С 1960 года Л.Н. Рабичев — член Союза художников СССР. Участвовал в многочисленных московских и всесоюзных выставках (в том числе в известной выставке в Манеже, посвященной 30-летию МОСХа, которую посетил Н.С. Хрущев), в международных выставках в ФРГ, Польше, в Западном Берлине, Великобритании, Франции, Канаде и др. С 1993 года он — член

Московского Союза писателей. В настоящее время у Л.Н. Рабичева опубликовано более десяти книг стихов и мемуаров, в которых он раскрывает суровую и порой нелюбимую правду о прошедшей войне. Предлагаем вашему вниманию несколько стихотворений художника о войне и мире.

Картины

*То увлечен одной, то недоволен всеми,
То выношу на свет, то прячу их на время.
Диваны и столы, паркетные полы,
Знакомые углы, планшеты, занавески.
Уже давным-давно закончился концерт,
Уже давным-давно к ним нечего добавить,
Но я по двадцать раз их ставлю на мольберт,
То слева захожу, то справа,
То мало простоты, то много ремесла.
Обидно и смешно, какая-то отравка,
Все, кажется, нашел, а страхам нет числа,
Пугаюсь красоты и авторского права.*

Построение картины

*Картина начинается, как дом,
Не с блика на стекле и не с фужера,
А с выбора земли и землемера.
Все прочее приложится потом.
И мир, и торжество добра над злом,
И прошлое, и будущее - это
Гармония конструкции и света.
Все прочее приложится потом.
Все прочее приложится потом -
Крылатый всадник на зеленом фоне,
И женщина живая на балконе,
И тамариск на фоне золотом.
Такой порядок и такой прием -
От Корбюзье до Феофана Грека,
Что было бы тепло для человека -
Все прочее приложится потом.*

Счастье

*Шутя мы делили свои сухари
На черствые равные части.
Мы изо дня в день от зари до зари
Шутили, мечтая о счастье.
Под нами журчала гнилая вода,
От взрывов фонтаны вставали,
А счастье — оно приходило всегда,
Когда мы о нем забывали.
Нежданная встреча. Награда. Кино.
Посылка. Письмо фронтовое.
У каждого, каждого было оно,
Военное счастье скупое.*

1946 г.

Собор в Вене

*Мне говорит седой мой проводник,
Что нет в Европе памятника выше,
Что он описан в двух десятках книг
От плит и ниш до потолка и крыши.
Смотрю издали, смотрю в упор
На достопримечательный собор.
Мне говорит мой проводник седой,
Что там, где начинается ограда,
Покоится под мраморной плитой
Какой-то Мотыльков из Сталинграда.
И каменный апостол из алькова
Сверлит меня глазами Мотылькова.*

1946 г.

"Старая Ладога. Колокольня и собор". 1965

БУДНИ ВОЙНЫ

"Хлеб войны". 1985-1999

Рассказ «Орел» заслуженно-детство пришлось на эти тра-го художника России Алексея гические годы. Дети редко со-Александровича Жабского (1933 вершали военные подвиги, но — 2008) не только о трудных военных буднях, но и о том по-колении, которое вынесло на своих плечах весь ужас войны на фронтах, лишения в тылу и приблизило этот самый долго-жданый день — День Победы.

С каждым годом все меньше рядом с нами воинов Великой Отечественной, стремительно уходит поколение тех, чье

детство пришлось на эти тра-го художника России Алексея гические годы. Дети редко со-Александровича Жабского (1933 вершали военные подвиги, но — 2008) не только о трудных военных буднях, но и о том по-колении, которое вынесло на своих плечах весь ужас войны на фронтах, лишения в тылу и приблизило этот самый долго-жданый день — День Победы.

С каждым годом все меньше рядом с нами воинов Великой Отечественной, стремительно уходит поколение тех, чье

детство пришлось на эти тра-го художника России Алексея гические годы. Дети редко со-Александровича Жабского (1933 вершали военные подвиги, но — 2008) не только о трудных военных буднях, но и о том по-колении, которое вынесло на своих плечах весь ужас войны на фронтах, лишения в тылу и приблизило этот самый долго-жданый день — День Победы.

давала прохладу и спасение в этот летний зной. Казалось, что вся беготня жучков, букашек и муравьев была осмысленной, потому что они то спускались по стеблю к земле, почти к моему лицу, то поднимались выше окна, за пределы моего видения. Меня увлекало это занятие и заглушало сильное желание поесть. Вот уже несколько дней во рту у меня, как и у всех моих братишек и сестреноч, не было ничего. Мы сидели молча. Говорить не хватало сил.

Вдруг я услышал, что у забора на улице кого-то зовут. Я вышел: за воротами стоял верзил и смотрел прямо на меня. Это был взрослый крепкий парень. Мне показалось, что я его уже где-то видел. Огромные руки он положил на ворота и низким голосом тихо спросил: "Ты Алексей Жабский?" — "Да, а что?" — ответил я вопросом. "Это ты умеешь рисовать?" — "Умею". — "Надо поговорить". Я вышел за ворота на улицу и подошел к нему. Мне бросилась в глаза его полосатая выцветшая рубашка, потому что сбоку под рубашкой что-то лежало. Лицо парня дышало жаром от солнца. Русые выгоревшие волосы спускались на глаза. Он продолжал пристально смо-

Людмила Цыплакова

"ОРЕЛ"

В жаркий день 1943 года я, десятилетний мальчишка, сидел в нашей землянке на подоконнике и рассматривал за окном, которое находилось на уровне земли, возню насекомых, очень разных по размеру и цвету. Они шевелили усиками, почесывали и поглаживали ножками свои бока и спинки. Иногда кто-то из них останавливался, к чему-то прислушивался, потом вдруг спохватывался и быстро продолжал свои передвижения. Вокруг землянки трава разрослась до крыши и

давала прохладу и спасение в этот летний зной. Казалось, что вся беготня жучков, букашек и муравьев была осмысленной, потому что они то спускались по стеблю к земле, почти к моему лицу, то поднимались выше окна, за пределы моего видения. Меня увлекало это занятие и заглушало сильное желание поесть. Вот уже несколько дней во рту у меня, как и у всех моих братишек и сестреноч, не было ничего. Мы сидели молча. Говорить не хватало сил.

Вдруг я услышал, что у забора на улице кого-то зовут. Я вышел: за воротами стоял верзил и смотрел прямо на меня. Это был взрослый крепкий парень. Мне показалось, что я его уже где-то видел. Огромные руки он положил на ворота и низким голосом тихо спросил: "Ты Алексей Жабский?" — "Да, а что?" — ответил я вопросом. "Это ты умеешь рисовать?" — "Умею". — "Надо поговорить". Я вышел за ворота на улицу и подошел к нему. Мне бросилась в глаза его полосатая выцветшая рубашка, потому что сбоку под рубашкой что-то лежало. Лицо парня дышало жаром от солнца. Русые выгоревшие волосы спускались на глаза. Он продолжал пристально смо-

БУДНИ ВОЙНЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

"Натюрморт с чугуном". 1991

треть на меня, что-то мысленно взвешивая. Слишком маленьким я ему, наверное, казался. И он опять обратился ко мне: "Ты мог бы нарисовать орла?" Я ответил, что могу. Парень полез за пазуху и вынул оттуда большую краюху хлеба: "За работу получишь это". Я чуть не подавился слюной. "Рисовать будем у меня на спине, — продолжал он. — Тушь есть?" Тушь, к счастью, оказалась. Я вынес палочку туши, растворил ее в воде, вместо кисти взял пруттик, намотал на него

клочок старой ваты и сказал: "Я готов." Парень легко сдернул с себя рубашку, лег здесь же, у забора на улице, подставив мне громадную спину и положив лицо на свои загорелые руки. Так, лежа, он стал уточнять в подробностях свою просьбу: "Нарисуешь большого орла во всю спину, чтобы крылья его простирались от одного моего плеча до другого, и чтобы летел он в облаках над горами, и чтобы в когтях своих держал голую бабу". Парень повернул лицо ко мне, глаза его сверкнули. Я почувствовал большую ответственность. "Приступай", — кивнул он.

Я вскарабкался на него. Теперь передо мной была только необъятная спина. В моей фантазии появился орел. В мыслях начинала представляться вся картина. В нескольких штрихах я набросал крылья от плеча до плеча. Для этого мне пришлось на коленках ползать по его спине. Когда общий контур композиции был намечен, я принялся за детали. Перья на крыльях и хвосте я знал, как нарисовать. Облака легко и быстро нарисовал с натуры. Горы давались трудно. А труднее всего оказалось то, что орел нес в когтях. Я увлекся рисованием. Старался. Получалось. Горы, уже заполнив спину, пошли на бока, увеличивая просторы под парящим в небе орлом. Наконец, я исчерпал свои возможности и сказал: "Все". Парень встал и быстро спросил: "Ну, как?" Я отошел на несколько шагов, посмотрел на всю картину. Парень ждал моей оценки. "Получилось", — произнес я. Он пожал мне, как большому, руку, вручил хлеб, сказал: "Спасибо". И, не на-

девая рубашку, под жарким солнцем пошел по нашей улице Заречной к своим друзьям, которые ждали его, чтобы иголкой и тушью увековечить рисунок на спине. Твердой походкой он удалялся от меня, бережно неся на спине орла, и только один раз оглянулся и махнул мне рубашкой.

Голод валил меня с ног. В глазах потемнело. Но у меня в руках был хлеб. От бессилия я чуть не выронил его. Потом прижал этот подарок судьбы к груди и медленно пошел в землянку. После яркого солнца дома казалось темно: через маленькие оконца свет сюда проникал с трудом. Мои братишки и сестренки сидели на прежних местах. Было тихо. Ждали маму. Я показал хлеб. Все молча смотрели на него. Вдруг самый младший, трехлетний Вася громко закричал, протягивая руки к хлебу. И мы по маленькому кусочку мигом проглотили весь хлеб.

Шло время. И однажды, недели через две, в такой же жаркий день сидел я на берегу небольшого пруда, за шахтой Суртаиха, где обычно собирались любители поплавать. И тут я увидел на спине одного парня моего орла. Парень меня не заметил. Он был в окружении таких же молодцов, как и он сам. Они громко и оживленно говорили. И я понял, что завтра этого парня провозжат в армию. Была война.

Алексей Жабский

СПАСИ И СОХРАНИ (К 85-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ МХУ "ПАМЯТИ 1905 ГОДА")

М. Булгакова. "Кактусы". 1961

В истории Училища было немало прекрасных педагогов, но лишь немногие составили ее авторитет и гордость. До сих пор они оказывают влияние на мировоззрение новых поколений художников. Хороших мастеров в России было всегда много, но в хрестоматию во многом вошли произведения тех, кто оставил после себя благодарных учеников. Искусство К. Истомина, А. Саврасова, К. Коровина, А. Куприна и многих других живописцев во многом известно благодаря их последователям.

Взаимоотношения с такими замечательными педагогами МХУ, как Матильда Михайловна Булгакова, Александр Михайлович Дубинчик, Осип Абрамович Авсиян, Юрий Митрофанович Карпушин вошли глубоко в сердце. Эти художники-

говорите. А сами-то что-то серьезное можете сделать?». Матильда Михайловна, наверное, единственный раз за всю многолетнюю педагогическую практику показала, на что способна, взяв в руки кисть. Для него она стала самой любимой учительницей на всю жизнь. Этот эпизод своей биографии благодарный ученик вспоминает с чувством пиетета перед педагогом и

чувством стыда за свое нахальство. Мастерские художественных учебных заведений возглавляли и возглавляли немало выдающихся художников. Но творческие качества, наделенных регалиями и званиями мастеров, часто не совпадают с педагогическими принципами того же уровня. Педагогика — это отдельная профессия, для овладения которой так же необходим талант. Названные выше художники счастливо совмещали в себе творческие качества учителя и художника, где страсть к общению с учениками брала верх. В этом они видели свое предназначение.

М.М. Булгакову вспоминают как дорогого для себя человека и до сих пор ощущают ее тепло не только ученики, но и преподавательский состав Училища "Памяти 1905 года". Многие годы, работая с ней, коллеги учились, завидовали, обожали ее. С 1962 по 1986 годы она служила любимому делу. И даже когда пришлось оставить работу, она внутренне присутствовала в Училище. Педагогика для нее была страстью, проявлявшейся в неравнодушии к тому, что она делала.

В 1949 году она окончила Московский художественный институт им. В.И. Сурикова. Училась у И.Э. Грабаря и А.А. Осмеркина. Во время войны работала воспитателем в детском доме в Башкирии.

«На урок всегда приходила собранной, продумывала все до мелочей, — вспоминают педагоги-коллеги, — чтобы не один вопрос не застал ее врасплох. Всегда хотелось зайти к ней на урок, но она была строга в этом плане, не допускала к себе на занятия. Ученики заряжались ее отношением к делу. Трудно было

найти ее учащегося, болтающегося по коридору. Тайнство общения с натурой, с холстом ей было близко и дорого. Этим качеством она одала своих учеников. Выставка их работ на вечере памяти М.М. Булгаковой в 1999 г. показала, что она сумела донести свое понимание живописи, свою страстность до их сердец».

Перед постановкой натюрморта она долго готовилась. Покупала на рынке фрукты, овощи. Выпробовывала всех из аудитории и долго ставила постановку. Все уже знали, что будет что-то неожиданное, красивое и сгорали от нетерпения увидеть и занять выгодное место для работы. Результаты были потрясающие. В одной выпускной группе на последнем просмотре, где оценка шла в зачет диплома, из 18 человек 16 имели пятерки, остальные четверки. Во второй раз было 18 пятерок. Это не было погоней за успеваемостью. Сами работы получились удачными. Некоторые художники, по их словам, до сих пор не досрости до своих учебных постановок. У нее на занятиях всегда присутствовала тишина, которая помогала в работе. Опоздывать было невозможно. Представить себе укоряющий взгляд М.М. Булгаковой было тяжело. Педагог не ругала, не читала нотаций о том, что так делать не допустимо. Одним взглядом ей удавалось сказать больше. Она считала учащихся достаточно взрослыми людьми, которые в состоянии уважать себя и педагогов. Многие ученики испытывали подобную неловкость перед Матильдой Михайловной, пусть даже за малейшие провинности. Если она кого-то любила или стремилась кому-то помочь, то это все видели. М. Булгакова всегда находила возможность позвонить бывшим ученикам, поздравить с успехом, подбодрить на выставке. Ее же в день рождения всегда поздравляли благодарные ученики. Строгий и серьезный педагог, она дорожила своим отношением с учениками и своим служением педагогическому делу. Честно говоря, процесс общения ее с учениками трудно назвать обучением. Она

М. М. Булгакова

держалась с пятнадцатилетними, по сути, еще детьми, как с коллегами-художниками, обращаясь ко всем на Вы. В одной из таких групп она подошла к самому маленькому по росту мальчику: «Что Вы здесь делаете?» — «Учусь». — «Сколько Вам лет?» — «15». — «И Ваша фамилия есть в списке? Ей Богу, детский сад! Ну что же, будем работать с детским садом». И как она работала с этим детским садом! Никогда не вмешивалась в творческий процесс. В определенный момент она предлагала выставить работы вдоль стены и устраивала обсуждение, в котором могли участвовать все. Она не говорила, как надо делать. Ее манера обсуждения была другой: «Я бы несколько фон уплотнила, я бы смягчила драпировку». Советовала с обязательной оговоркой. А вдруг ее совет расходится с мнением ученика. Еще одно качество педагогов МХУ и педагогический принцип Училища — бережное отношение к индивидуальным качествам каждого ученика. Словно боялись задавить авторитетом тонкие грани таланта, пытающегося выйти на свет Божий. Всегда перед началом работы ставилась конкретная задача на постановку и на домашнее задание. Однажды было задание на дом — сделать белый натюрморт. Задача трудная, тем более решать должны были

Окончание на стр. 5

СПАСИ И СОХРАНИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

А. М. Дубинчик

самостоятельно. Несколько раз Матильда Михайловна спрашивала о натюрморте, но к своему стыду, я не мог выполнить эту задачу. Встречаясь после окончания училища уже на персональной выставке, она, радуясь моему успеху, спросила о натюрморте, но я не мог ей ничего сказать, не мог найти решение, которое вдохновило бы на создание белого натюрморта. Много лет я пытался сделать работу, но решение пришло только после ее смерти. Одна из лучших моих работ – белый натюрморт «Расформированная груша» – посвящен М.М. Булгаковой. Перед уходом из жизни она позвонила. Узнала как дела, призналась в теплых чувствах, как обычно. Одно было не так, как всегда: в ее голосе звучали нотки прощания. С уходом выдающегося мастера мы потеряли часть своей души, в которой большое место занимала Матильда Михайловна Булгакова.

Для многих педагогов она была эталоном наставничества. И в день, когда она преподавала, приходилось сдерживаться от произнесения черных слов, дурных мыслей и недостойных поступков. Не дай Бог, она осудит за это, хотя из ее уст трудно было услышать слова осуждения. Матильда Михайловна не была человеком в футляре, любила и понимала юмор. В истории она останется навсегда, как человек и педагог, составляющий честь и гордость Московского художественного училища «Памяти 1905 года». Ведь она несла не только знания, но и культуру общения. Она была человеком будто бы из XIX века. Она оставила ряд педагогических записок «Как работать над натюрмортом», по которым продолжают занятия в Училище. Ее постановки всегда были событием: «Белый натюрморт», «Белое на белом», «Из стекла», «Хлеба, грузинские сосуды». В постановки с моделями подбирала молодых, особенных людей. Стремилась к новшеству, нестандартности.

Выставка работ на вечере памяти показала, что все ученики М. Булгаковой обладают одним свойством – неравнодушием к тому, что изображают. Кто-то близок следованию ее профессии или художественной стилистике, но, в основном, работы отличались индивидуальным стилем. И в этом главная заслуга педагога. В этом есть продолжение ее принципов жизни.

Натурщица, проработавшая много лет бок о бок с М. Булгаковой, вспоминала, что преподавание на ее занятиях велось необычно. Педагог

настолько доходчиво объяснял, что ей не требовалось брать кисть. Каждый понимал, что от него хотят. Натурщицам она говорила, что любит трагическое в живописи, поэтому не нужны шляпки, банты. Часто в постановке использовался крестьянский костюм, крынка, платок, ватник. Она очень хорошо знала модель, умела настроить учеников на постановку, убедительно смоделированную тему. И работы получались такие удачные, что до сих пор выставляются.

Матильда Михайловна была не просто педагогом для нас. Все 4 года она была нашим ангелом-хранителем. Многие из нас из-за поведения смогли доучиться до конца только благодаря ее защите. Для нас такие педагоги были людьми, державшими дистанцию, и в то же время были родными, которых мы боготворили. Она работала словом, и мало приводила в пример великих мастеров, поскольку сама была большим художником. Она говорила о том, что черпала из своей судьбы художника. Была полна любви к нам, но и жестко критиковала. Отчитывая кого-то за лень, она сказала фразу, которую надо написать перед входом в Училище как девиз: «Если Вы можете прожить без этой профессии, бегите, задрыв фалды пальто. На свете масса других занятий». Педагог и художник жив, пока живы его ученики. Многие из ее учеников большие мастера. Они работают в живописи, графике, театре.

Ее работы были такие же, как она. От картин М. Булгаковой всегда исходил добрый свет. Это связывало ее с любимейшим периодом в мировом искусстве – ранним Возрождением. Ее ученики приходили к ней на протяжении всей ее жизни не только по художественным делам, но и за советом по жизни. Судьба и искусство для М.М. Булгаковой были неразделимы. Она правильно построила свою жизнь. Свидетельство этому – две ее дочери. Одна журналист – Татьяна Рыхлова, другая – известный московский художник

В первом ряду в центре: Ю. Карпушин, М. Булгакова, О. Авсиян

Ольга Булгакова. Внучка Наталья Ситникова тоже стала художником. Другой, не менее достойный и известный, педагог и художник, много лет отдавший наставничеству – Александр Михайлович Дубинчик поведал однажды о себе. Прослушав интервью с его исповедью, мне показалось, что история его жизни интересна, как пример одной из многих судеб педагогов того поколения.

«После окончания института встал вопрос, как быть дальше. Или ты идешь работать в КЖИ, как большинство, или на преподаватель-

ской должности. Материальное положение было сложное – инвалид войны. Надо было зарабатывать. В Комбинате живописного искусства я себя не представлял, поэтому сразу подумал о педагогической практике. У меня другой характер. Я не могу писать по заказу портреты, выезжать для этого в колхозы и писать патриотические сюжеты. Пару работ мне дали сделать. По-доброму отнеслись, зная, что по болезни мне нельзя нервничать. Стоять перед Советом, выслушивать замечания, выполнять поправки – это не мой путь. Институт я закончил с отличием, и Государственная комиссия направила меня в Архитектурный институт, но меня не взяли. Вдруг в 1955 году раздаётся звонок из Училища «Памяти 1905 года». Звонил А.И. Саханов. Мы воевали вместе, он был депутатом районного Совета, партийным человеком. Он первый, кто пригласил меня на преподавательскую работу. Я преподавал живопись в МХУ на театральном факультете вместе с таким крупным художником, как В.А. Шестаков. Потом был на педагогическом отделении, затем – вел дипломный курс. Одновременно я начал преподавать в других местах, например, в Текстильном институте. Один очень известный художник удивлялся: «Как Дубинчик, преподавая в нескольких местах, еще и участвует на выставках своей живописью. Ума не приложу». Но я получал удовлетворение от работы. Потому, что ты не только отдаешь, но и получаешь. Когда процесс обретения взаимный, он остается на долгие годы в памяти.

Ученики тебе могут многое простить: топанье ногами, крик, ругань. Не могут простить только одно – равнодушие. Мне прощать было нечего – равнодушным я не был».

А.М. Дубинчик на занятиях любил повторять: «Иногда смотришь на картину, вроде бы ничего нет, но глаз не оторвешь. Смотреть хочется. А бывает большое полотно, а смотреть не на что».

Еще один наш педагог – Осип Абрамович Авсиян разработал уникальную программу по композиции, не имеющую аналогов. Она совершенна своей простотой и доступностью. Странно, что системную программу по главному предмету до сих пор не берут на вооружение высшие художественные заведения. Нет ничего проще – использовать готовый рецепт, проверенный многолетней практикой в МХУ и доказавший свою эффективность.

Заслуга этого педагога не только в

А. Дубинчик. «Верочка». 1958

разработке уникальной программы, но и в методике. До сих пор занятия по композиции вспоминаются с удовольствием. Занятия строились в виде обсуждения эскизов, выполненных на конкретный закон композиции, в котором принимали участие все. Осип Абрамович только подводил итог и резюмировал работу, отмечая удачные решения и ошибки, с обязательной аргументацией.

Мы были коллеги. Никакая критика не возбранялась. Рассказывая о конкретном законе композиции, он на примерах классических произведений демонстрировал работу закона (допустим, закон контраста). Объяснял, как художник пользовался в построении картины принципами сопоставления контраста света и тени, зеленого и красного, большого и малого. После знакомства с

очередным законом он предлагал нам выйти на улицу и, наблюдая городскую жизнь и архитектуру, сделать наброски для эскиза. Со временем мы понимали, как работал Веласкес, Суриков, Дейнека и другие мастера живописи и графики.

Любые начинания ему, как художнику, были любопытны. Он не только рекомендовал постоянно быть нацеленным на сюжет, наблюдения, жизненные впечатления, но и требовал каждую субботу показывать новые эскизы. «Нельзя смотреть все время себе под ноги. Откройте шире глаза, в жизни много интересного», – говорил Осип Абрамович.

О.А. Авсиян в период нашего обучения работал над книгой о рисунке и композиции «Натура и рисование по представлению». Вышла она в 1985 году в издательстве «Изобразительное искусство».

Относительно М.М. Булгаковой, А.М. Дубинчика и О.А. Авсияна педагог Юрий Митрофанович Карпушин был поколением моложе, а значит, ближе по возрасту к своим ученикам. Его дружеское распо-

ложение к учащимся вызывало уважение, но отношения не были панибратскими. Требовательность и дистанция оставались, но при этом было уважение к индивидуальным качествам будущих художников и педагогов.

Он умело стимулировал здоровую конкуренцию между нами, и мы учились друг у друга, стараясь отличиться. А на выездной практике на пленэре Ю.М. Карпушин был просто старшим товарищем. Никаких внушений, нравочений, высокомерия. Мы часто видели его работы на выставках. Он был хорошим художником. Пройдя великолепную школу в институте имени В.И. Сурикова, он сумел донести до нас свой опыт обучения, полученный в мастерской известного художника Е.А. Кибрика.

Дух обучения в МХУ был непревзойденным. Учиться было очень интересно. Благодаря правильно построенному процессу, удачным программам и методике преподавания Россия получила неповторимых мастеров живописи и графики, педагогов, реставраторов, театральных художников и оформителей, которые несут культуру изобразительного искусства по всему миру. Немалая заслуга в этом принадлежит всем педагогам, работавшим в прошлом и работающим в Училище сейчас.

В наше сложное, противоречивое время, когда сознательно и бессознательно разрушается культура, традиции и классическая школа мастерства, напрашиваются слова: «Спаси и сохрани». Спаси и сохрани то, чем всегда была сильна Россия, духовное богатство страны, переданное нам в наследство предыдущими поколениями художников и педагогов.

"ВЕСНА 2010" НА КУЗНЕЦКОМ, 11

Один раз в два года проходит отчетная выставка Ассоциации художников декоративных искусств МСХ. «Весна 2010 года» стала такой вехой в жизни Ассоциации. На суд зрителей вынесли свои произведения художники по гобеленам и тканям, модельеры, керамисты, ювелиры.

Нынешняя выставка - одна из самых значимых и интересных за последнее время. Она необычайно полно и ясно отображает все многообразие современных художественных направлений. Наряду с заслуженными, маститыми художниками достойно выглядят молодое поколение, представленное работами в разных техниках. Но, безусловно, ядро выставки, ее лицо представляют уже известные широкому зрителю авторы.

Т. Рублева. "Подружки-недотроги". Костюм. 2010

Очень интересны гобелены, показанные на выставке. Традиционный гобелен приобрел новое современное звучание. Александр Гораздин представил на суд зрителей свою новую работу «Полет», выполненную в технике ручного ткачества. Ее доминирующие холодные цвета, динамичные геометрические формы и линии создают у зрителя ощущение движения воздуха, дуновения ветра, свободного полета. Фактурный гобелен с поэтическим названием «Сапфировый дождь» Ларисы Рубцовой со свободно струящимися горизонтальными нитями передает падение водных струй. Нежные вкрапления сине-фиолетовых элементов напоминают о прозрачности и чистоте дождя. Марина Кручинина показала на выставке триптих «Нерукотворные сады». Вязаная фактура этого современного гобелена очень органична с его льняной основой, а интересные цветовые градации, выдержанные в различных оттенках зеленого и охры, придают гобелену изысканность. Нетканый гобелен «Контраст» являет собой как бы противоположность первому. Яркий, смелый, живописный – он воскрешает в памяти музы-

кальные ассоциации. Нетканый гобелен Тимур Юрченко «Апельсиновое дерево» - один из самых запоминающихся. Лаконизм цвета и формы, обилие воздуха и незагруженность пространства воспринимаются очень актуально и современно. Произведение Андрея Мадекина «Путь волхвов» - образец классического тканого гобелена. Выдержанный по цвету он очень напряжен композиционно. Все фигуры в движении, а серебристое очертание Вифлеемской звезды манящим призраком ведет волхвов вперед. Мастер гобелена Сергей Гавин показал на выставке свою работу «Синие птицы». Декоративность, изысканное цветовое решение – светящийся кобальт и мерцание золота – интересное композиционное решение и красивая фактура превращают гобелен в некую драгоценность.

Посетители выставки всегда с неослабевающим интересом относятся к авторскому костюму. В рамках выставки прошел показ авторской одежды художников модельеров, членов МСХ. Все участники показали модели одежды разных направлений и модных тенденций. У каждого из них своя оригинальная техника, а привлекательность их произведений в том, что это не просто авторские модели, но и шитые только в одном экземпляре.

На выставке были продемонстрированы платья Татьяны Рублёвой «Подружки-недотроги», выполненные из легкой прозрачной ткани. Эффект воздушности, невесомости усиливало цветовое решение в золотисто-белой и серо-белой гамме. Нина Пуляхина предложила вниманию зрителей платье под общим названием «Благовещение». Строгие, летящие силуэты с тонким вкраплением золота заставляют вспомнить фрески Андрея Рублева. В совсем иной манере задуманы костюмы Татьяны Смирновой. Всеми горячо любимая лоскутная техника предстает в совершенно новом качестве – современных платьев. Два изысканных синих комплекта «Синий» и «Павлин» выдержаны исключительно в оттенках синего цвета, что придает им неповторимый шарм. Платье «Ярмарка» переливается всеми возможными цветами и гармонично сочетает стеганые фрагменты с плиссированными деталями.

Интересные работы художников по стеклу не оставили равнодушными зрителей всех возрастов. Философская работа Фидаиля Ибрагимова «Начало» завораживает и притягивает зрителя своей неоднозначностью, загадочной игрой бликов на стеклянных гранях. «Игра в кубики» Любови Савельевой – еще одна из замечательных работ этого признанного мастера. Никого из посетителей выставки не оставила равнодушной работа Л. Новиковой «На Тихорецкую». Композиция выполнена из плоского стекла как веселый витраж, вызывающий добрую улыбку своими узнаваемыми персонажами.

Полный юмора батик «Поэт» А. Косяка интересен не только колористически, но и своим метафорическим подтекстом. Батик Сергея Давыдова «Прогулка под весенним дождем» - гимн весне, радости, счастью. Фигуры, парящие над старым городом рядом с каплями

бирюзового дождя и вертикальными струями, создают интересное композиционное и цветовое решение.

Очень ярко выглядели в экспозиции керамисты. Татьяна Соколова-Эпик с мистической работой «Два полнолуния» переносит зрителя в ирреальный мир грёз. Галина Корзина с диптихом «Вечерний звон», решенным в лаконичном голубом цвете, где только Троица светится нежным золотом, приглашает к раздумьям и внутренней сосредоточенности. Работы Эмили Таратуы давно известны и любимы зрителями. Ее композиции из керамики, подчиняясь естественному движению материала, обтекаемы и легки. Лирические композиции подсмотрены в жизни и перенесены автором в творческое пространство. Они добры, исполнены юмора и обаяния.

Неожиданно было видеть мэтра по росписи ткани Татьяну Шихиреву в новом качестве. Творческий поиск художника и фантазия творца привели к очень интересному результату. Старинные наличники воодушевили художника, и она создала две удивительные работы: «В окне» и «Пролетая над Переславлем». В первой работе интригующая тема окна и жизни за окном, во второй – сказочный полет над древним городом. Изысканное цветовое решение, тонкая ирония и обаяние персонажей делают эти работы интересными и запоминающимися для зрителей.

Т. Шихирева. "Пролетая над Переславлем". 2009

Лучшие традиции народного искусства, переосмысленные и переработанные художником, мы находим в работах «Сирин», «Кот» и «Подсолнух» Татьяны Флёновой.

Валентин Баньковский работает в технике лаковой миниатюры. Его светоносным работам присущ добрый юмор примитивной живописи, но в то же время в них узнаваем индивидуальный стиль и почерк мастера.

Ярко и интересно было представлено юве-

В. Александров. "Материнство". 2009
лирное искусство. Наталья и Алексей Петровы предложили неожиданные для этого вида искусства материалы. Изделия из пластика и бумаги выглядят остро, современно и интригующе. Анна и Александр Репниковы продемонстрировали формы современного искусства, творческий поиск и неординарное решение. В. Мурушкин, напротив, разработал один из традиционных мотивов ювелирного искусства: бабочка, одна из любимейших ювелирных форм, дала полет фантазии художника и воплотилась в изящные произведения, наполненные таинственным блеском драгоценных камней. Гарнитуры Витаутаса Суславичюса гармоничны, оригинальны и изысканы по форме. Брошь-объект Геннадия Ленцова - произведение искусства, принадлежащее, безусловно, XXI веку. Высокая техника исполнения и безукоризненный вкус и лаконизм всегда отличают произведения этого мастера.

О выставке можно было бы много и подробно рассказывать. Экспозиция оригинально решена в лучших выставочных традициях старейшего Дома художников на Кузнецком, 11. В ходе работы выставки в ее залах прошел «Круглый стол», где искусствоведы, ведущие художники Ассоциации поделились своими впечатлениями об экспозиции. Была большая и горячая полемика по поводу дальнейшего усовершенствования выставочной деятельности, выслушаны интересные предложения. Жизнь Ассоциации декоративных искусств продолжается в очень активном ключе.

Елена Александрова

А. Мадекин. "Путь волхвов". Гобелен. 2009

О ВЛАДИМИРЕ ВАСИЛЬЦОВЕ (В ПАМЯТЬ О ХУДОЖНИКЕ И МУЖЕ)

(Окончание. Начало в № 3-2010)

Можно сказать, что творческая карьера В. Васильцова складывалась очень успешно: большие правительственные заказы, интересные архитектурные проекты и т.д. Все монументальные произведения никак не были связаны с политическими, коммунистическими или другими пропагандистскими идеями. Володя очень рьяно и горячо выступал в Союзе художников за чистоту и пластическую сложность изобразительного искусства с его пространственным, колористическим, объемным, эмоциональным напряжением, что было отлично от простого визуального подхода к работе.

Искусство не может быть без формы, без реализации в материале. Забота о специфике и чистоте материала очень волновала В. Васильцова. Он никогда не доверял полностью работу над монументальными произведениями исполнителям, всегда всё делал сам, привлекая только очень ограниченный и постоянный круг исполнителей. На объектах всегда вставал в 5-6 часов утра, и работа продолжалась с раннего утра до позднего вечера. Он доводил любое произведение до полной законченности, неторопливо, с выдержкой и терпением, и даже удаленные от зрителя элементы композиции отделялись с той же тщательностью, как и в центре. Володя на всю жизнь сохранил верность классической технике мозаики, особенно следуя примеру кладки мозаики в киевской "Оранже", в которой артистически и сложно выложен золотой фон, выражающий глубокий космологический образ. Особенно внимание Володя уделял подготовке стены под мозаику, сбивая все наслоения штукатурки до кирпичной кладки (как, например, на храме Св. Татианы под слоями штукатурки и покраски обнаружилась кирпичная кладка XVIII в. с оттисками двуглавых орлов). Столь же тщательно он относился к инструментам, материалам, организации труда на лесах, то есть ко

всему, что способствовало нормальной работе. Исполнение произведений в архитектуре всегда приходилось на летние месяцы, так что ни о каком отдыхе речи у нас никогда не было. Единственно, где мы могли отдохнуть – это осенняя или зимняя охоты. Они давали творческий заряд и материал для набросков будущих живописных работ. Отсюда произошли целые серии акварелей (серия "По Карелии"). Его живопись и акварели – это те творческие переживания, которые происходят в глубине души, это более интимная, поэтическая и таинственная сфера, которая не зависит от окружающей среды, только внутренняя одухотворенность. Художник всегда весь на виду, нельзя думать, что одно – это искусство, а другое – личная жизнь. У художника честность натуры обязательна для его творчества. В стремлении к совершенству и к достижению выразительности искусству всегда сопутствуют поражения и невозможность воплощения желаемого. Отсюда возникает множество вариантов на одну и ту же тему, не повторения, а варианты с достижением остроты выразительности.

Большинство акварельных листов и живописных холстов В. Васильцова – это жанровые сюжеты, натюрморты, портреты близких людей, сцены на мифологические и религиозные сюжеты, сельские пейзажи.

Всю жизнь Володя провел в тяжелом труде, добывая своими руками все необходимое для своей семьи, для поддержки родителей, для длительного время парализованной матери. Поэтому, он не нажил "богатства". В жизни художника иногда наступает трудное время: всё, что сделано до этого, кажется несовершенным, работа перестает приносить творческую радость, недовольство собой заставляет пересмотреть прежний путь. Тут требуется передышка, перемена жизненного обычного ритма.

Из серии "Северные пейзажи". Б., акв.

Художнику нелегко пережить политические повороты, тем более в зрелом возрасте. Это ошеломляет, порождает в душе смятение, наполняет её горечью. Цепляться за старое бессмысленно, наступает озлобление и беспомощность. Такими оказались 1990-е годы. В начале XXI века мы полностью перешли к работе в храмах. Были созданы мозаичные иконы: для храма Св. Татианы в Университете (образ "Св. Татианы" и "Сошествие в ад"), для храма Св. Дмитрия Ростовского на ул. Дорохова, образы Св. Дмитрия Ростовского и Пресвятой Толгской Богородицы, для храма Успения Пресвятой Богородицы в г. Зубцове (Тверская обл.), образы Св. Александра Невского, Св. Марии Магдалины, Св. Иоанна Предтечи, Пресвятой Богородицы, Архангела Гавриила, четыре изображения Серафимов и Спаса Нерукотворного для храма Оковецкой Ржевской Богородицы в г. Ржеве и др. Я думаю, что наш список мозаичных икон продолжится, хотя и без Володи, но с его учениками.

С 1990-х годов вспышка возрождения великого храмового искусства со своей тысячелетней историей – это высота подъёма человеческого духа, обновлённого духа художника не в повторении "старого", а в создании "нового" в традиционности этого искусства.

Большая часть жизни Владимира Васильцова была связана с преподавательской работой, начиная с Дома пионеров (1950-е годы) и заканчивая 25-летним стажем в Строгановском институте, куда его пригласил ректор Захаров в 1980 году. Преподаванию он также отдавался со всем своим азартом, честностью и доброжелательностью к студентам. Он преподавал независимо, с самостоятельными приемами, учил по-своему тому, чему еще никто и никогда не учил.

До сих пор все выпускники и даже те, кто успел только два года у него проучиться, вспоминают его с большим чувством благодарности. Он их не только учил мастерству, но был для них неизменно интересным и остроумным собеседником.

Самых близких друзей у него было немного: Николай Воронков, Борис Тальберг, Вениамин Хапугин, Виктор Думанян, Сергей Чехов, Андрей Васнецов.

Судьба человека может быть сложной и даже тяжелой, но внутренняя жизнь художника часто является единственным спасением в житейских неприятностях. У Володи есть два автопортрета. Один написан в 15-летнем возрасте: пылкий взгляд больших темных глаз, видно, что этот мальчик мужественный и ответственный, готовый к предстоящей большой жизни. Всего лишь набросок, но он приковывает к себе наше внимание. Взгляд, обращенный пронзительно на нас, он вглядывается в то, что пришлось ему увидеть в своем тяжелом детстве. Второй автопортрет, написанный незадолго до смерти, свидетельствует о том, что в жизни автор больше знал забот и тревог, чем радости и покоя. На лице печать усталости и суровости, чувствуется, с каким мужеством автор в своей

"Автопортрет". Б., акв. 2005

жизни перенёс столько невзгод. Все бури в жизни, все неурядицы, все изведанные страсти, напряженность творчества и неудовлетворенность жизненной судьбой отпечатались в его взгляде.

Возвращаясь к давно минувшему, мне вспоминается жизнь рядом с Володей за 53 года, жизнь, наполненная творчеством, счастьем, бурным интересным временем: жизнь и работа на объектах*, охота, поездки по историческим местам вместе с ребёнком, собаками, друзьями. И даже постаревший и утомлённый, с трофическими язвами на ногах, он по-прежнему острит и смеялся. Много читал, особенно любил Козьму Пруткову, Н.С. Лескова и «Историю Государства Российского» Н.М. Карамзина. Несмотря на то, что он очень хорошо запомнил и пересказывал прочитанное, любимые книги перечитывал по несколько раз. Иногда проявлялись тяжелые стороны его характера, но он никогда не был способен на что-то мелкое, пошлое или недружеское. В последнее время все чаще можно было видеть его молчаливым, углублённым в свои мысли, в каком-то усталом, подавленном настроении. Видно было, что он устал от болезни, болей, безысходности. Устал от подвижнической жизни художника, от борьбы с недугом, который подтачивал его сильный организм.

В 1991 году я была в США, в Чикаго, когда наша небольшая делегация от Союза художников СССР была приглашена в Мичиганский институт искусств для беседы с показом слайдов монументальных произведений наших художников. Во время показа и объяснений в огромном зале была полная тишина, а потом раздавались вопросы: неужели это разрешали создавать в Советском Союзе?

Элеонора Жаренова

*Все монументальные произведения выполнены совместно с Э.А.Жареновой.

О НЕОБХОДИМОСТИ БЕРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ К НАСЛЕДИЮ ХУДОЖНИКОВ

Возмутительная история произошла в Московском Союзе художников в канун открытия выставки «Мир живописи и скульптуры» в ЦДХ.

Когда выставком во главе с председателем Правления В.А. Глуховым безвылазно в течение недели работал в залах ЦДХ, делая экспозицию, буквально накануне открытия, 28 января была взломана дверь в мастерскую недавно умершего народного художника РФ, известного монументалиста А.В. Васнецова. Все содержимое мастерской: картины самого А.В. Васнецова, работы его сына Федора Васнецова, а так же холсты других художников, хранившиеся там, были вывезены. Разоренная мастерская была брошена не опечатанной, с открытой настежь дверью. На полу валялась скульптура И.И. Васнецовой, вдовы художника, члена нашего Союза, часть скульптур и работы Ф. Васнецова так

же были оставлены без присмотра.

При этом никаких предварительных ни устных, ни письменных предупреждений или уведомлений со стороны ООО «ЦХО МСХ» вдова художника не получала. Со дня смерти А.В. Васнецова едва минуло 40 дней. Дальнейшее развитие событий вокруг мастерской и творческого наследия художника продемонстрировало полную бессмысленность содеянного и беспрецедентную жестокость по отношению к его памяти. После того, когда по факту пропажи работ и взлома мастерской было открыто уголовное дело, со стороны инициаторов сего «действия» последовали оправдания, что это делалось ради спасения наследия, а для пущей убедительности была озвучена версия о попытке распродажи картин, основанная исключительно на слухах и сплетнях. Когда же эта история получила широкую огласку в СМИ,

когда в защиту вдовы художника выступили адвокаты, работы были возвращены, правда, не без потерь. Газеты и телевидение упоминали Московский Союз, уввы, не по поводу выставки. Престижу нашего Союза был нанесен ощутимый урон.

Для чего же понадобилось захватывать мастерскую художника А.В. Васнецова, едва дождавшись 40 дней со дня смерти? Ясно, что кому-то в секции, членом которой являлся А.В. Васнецов, захотелось обладать его мастерской так сильно, что были забыты не только существующие в Союзе правила перехода мастерской от одного художника к другому, но была забыта элементарная человеческая порядочность.

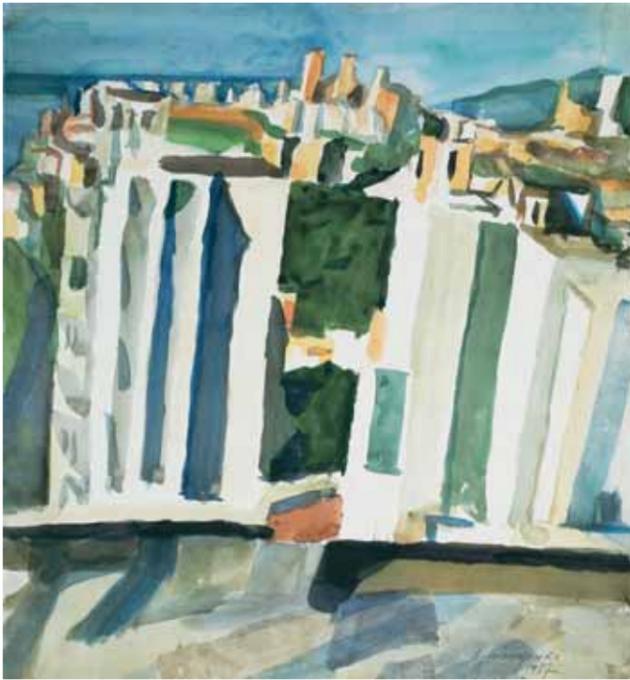
Я не помню ни одного случая в истории Московского Союза художников, когда бы с мастерской умершего художника произошло нечто подобное. Как правило, Правление

всегда удовлетворяет просьбу наследников задержать передачу мастерской по тем или иным причинам. К примеру, с каким тактом и уважением к памяти известного художника Е.А. Расторгуева Правление Товарищества живописцев решило вопрос об устройстве и сохранению его художественного наследия. Да и сам А.В. Васнецов два года ждал, когда ему можно будет въехать в свою мастерскую, не желая травмировать родственников Ю.К. Королева.

Как же можно было так поступить по отношению к памяти такого мастера, как Андрей Владимирович Васнецов! Пусть это останется на совести тех, кто организовал все это безобразие. Я же надеюсь, что в нашем большом коллективе такое произошло в первый и последний раз.

Павел Никонов

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА ВЛАДИМИРА ИЛЬЮЩЕНКО

"Крым. Строение". Б., акв. 1983

Небольшая выставка графики Владимира Ильющенко в Государственной Третьяковской галерее – наша дань памяти трагически погибшего год назад художника. Она не претендует на полный охват всего созданного мастером. У нас не было задачи ни восстановить эволюцию его творчества, ни показать все разнообразие видов и жанров, в которых он работал. Но мы надеемся, что в том, что здесь представлено, зритель увидит нечто важное и существенное – то, что дает представление о глубинных основах искусства Владимира Ильющенко.

В жизни и творчестве художника замечательным образом сплелись абсолютно индивидуальные принципы, интересы, мотивы и тенденции, продиктованные временем. Точнее, в его искусстве, в его мировидении можно почувствовать и личные переживания, и претворение интересов и настроений нашей общей жизни.

Становление Владимира Ильющенко как профессионала пришлось на эпоху важных перемен в отечественном искусстве. В атмосфере оттепели сдавал свои позиции социалистический реализм, на идеологии которого воспитывали молодежь в художественных школах и институтах. Молодые художники всем существом переживали новые веяния в жизни и искусстве.

Всеми доступными способами стремились они расширить круг своих художественных представлений и овладеть иными, чем полученные в школе, средствами и приемами работы. Полулегальные посещения музейных запасников и подшивки старых художественных журналов в библиотеках давали возможность проникнуть в историю отечественного искусства – почувствовать красоту и могучую логику пластического эксперимента мастеров первых десятилетий XX века. Для многих, в том числе и для Ильющенко, важно было непосредственное общение с мастерами, сохранившими высокую культуру первой трети столетия. Через контакты молодых с такими художниками, как В.А. Фаворский, восстанавливалась разорванная связь времен.

С любопытством и с профессиональной цепкостью вглядывались студенты в иностранные журналы и книги по искусству, окольными путями попадавшие в их руки. Перед ними открывался неведомый ранее мир современного послевоенного творчества. Чуткий глаз улавливал единство эволюции мирового искусства от начала века до его послевоенных десятилетий.

На рубеже пятидесятых-шестидесятых в советском искусстве сложился «суровый стиль», противопоставивший свой лаконизм, графичность, монументальность уходящей стилистике соцреализма. Но уже к концу шестидесятых и в семидесятые отчетливо стало видно разнообразие авторских стилистиче-

ских манер. Владимир Ильющенко – человек из этой плеяды мастеров. Они все разные: Лион и Злотников, Янкилевский и Турецкий, Кудряшов и Немухин, Дик и Колтунов, Нина Жилинская. Как и многие другие Ильющенко шел к своей индивидуальной манере неторопливыми шагами.

В его искусстве важное место занимают беспредметные произведения – живописные холсты и рисунки гуашью. Как ни парадоксально звучит в этой связи наше утверждение, но чтобы правильно понять творчество этого художника, необходимо помнить, что Владимир Ильющенко неразрывно связан с натурой. В его работах, даже беспредметных, нет сухости и ощущения схематизма – в них свежесть образа, живое дыхание непосредственно увиденного и человеческие эмоции.

Огромное место в его художественном сознании занимает переживание природы – нюансов ее состояния, ее красок, света, влажных теней и солнечных пятен. Именно в пейзажах полнее раскрылся его дар колориста. Работая в этом жанре, он сумел перейти от декоративной яркости цвета, принесенного из детских впечатлений от украинского бытового искусства к тонким колористическим сочетаниям и оттенкам цвета, насыщенным пространственным содержанием.

Натура – пейзаж, вещи и люди – была необходима мастеру не только, как возможность выразить тонкость восприятия и переживания. Она была и объектом исследования. На примере пейзажных работ с чередованием плоскостей света и тени легко понять, как шел процесс обобщения цветовых пятен и выстраивания их в стройную систему пространственных планов.

Решение важнейшей для этого художника проблемы – построения цветом предметно-пространственных соотношений – неожиданно сближает в его руках интимный жанр натюрморта с пространственностью городских пейзажей. Небольшие композиции из нескольких сосудов обретают порой монументальность крупных архитектурных сооружений.

Ильющенко не был просто художником впечатлений. Все его творчество было подчинено работе мысли, анализу, постановке пластических задач и их решению. Он не художник отдельных шедевров, но мастер, чье творчество ценно своей цельностью и последовательностью.

Отсюда – из этой сознательной творческой работы – аскетизм в выборе мотивов. Их кажущееся однообразие искупается богатством и разнообразием разработки цвета, композиции пятен, моделировки пространства. Таков мотив сидящего человека, довольно полно представленный на нашей выставке. Художник называет эти изображения "портретами". Но это не совсем портреты. Индивидуальное начало, характер возникает в них не из достоверной фиксации облика, черт лица, выражения. Индивидуальное начало, делающее изображение портретом, рождается из самой формы живописного холста или графического листа, выполненного гуашью. Характер и настроение модели заключены и проявляют себя в движении кисти, в ломкости, в причудливости завитков или плавности линий, в цветовой гамме, приглушенной или ярко вспыхивающей.

Зная об особой любви Владимира Ильющенко к цвету и его колористической одаренности, интересно рассматривать сделанные его рукой черно-белые изображения. На выставке представлены небольшие карандашные рисунки с изображением интерьеров. Чаще всего он рисовал комнаты знаменитого дома Поленовых. Малоформатные карандашные рисунки в сопоставлении с крупными декоративными работами дают представление о широте творческого диапазона мастера. На миниатюрных листах ювелирными средствами строится сокровенный тихий мир – хранилище культуры: на книжных полках теснятся старинные переплеты, торжественно светятся вазы и подсвечники, в простых сельских комнатах множество картин, музыкальные инструменты...

Творчество Ильющенко, включающее беспредметность как конечный эпизод пластической эволюции искусства XX века, содержит в себе современное переживание вековых традиций мировой культуры.

Наталья Адаскина

"Владивосток. Вторая речка". Б., акв. 1987

Искусство Ильющенко – та арена, где находили себе место нештучные эстетические и мировоззренческие идеи, занимавшие эту неординарную личность. Я бы выделил одну линию художественного рассуждения, которая находится в зоне "повышенного напряжения". Это точка схода, которую обнаружило искусство начала XX века. Она до сих пор – центр внимания изобразительного искусства (не путать с концептуальным искусством, которое разрешило эту проблему на свой лад, просто разрубив эту линию напряжения как «гордиев узел»).

Эту точку мы наблюдаем в поздних работах Сезанна. В них как дуализм выступают наблюдаемый художником внешний мир и переживаемый внутренний. Миры сталкиваются друг с другом, пытаются обрести некое единство. Но во времена Сезанна эти миры еще не были так тотально разведены. За плечами художников нашего времени уже стоит опыт Малевича, и с таким грузом уже непросто обрести единство между этими полюсами. Тем не менее, Ильющенко питал особую привязанность к теме взаимодействия пространств в изобразительном искусстве. Испытывая себя, свою живопись в поле этого напряжения.

Исходя из этого, можно понять особый интерес художника к пейзажному жанру. Воздух, который мы ощущаем в пейзаже, в картине обязан «обернуться» твердью, то есть плоскостью. А плоскость (двухмерность) должна «задышать» и «задвигаться». Это положение вещей художник для себя характеризовал как «статическое движение». Композиционное решение картины должно быть внутренне «сколоченным», геометрически выверенным. А ощущение цвета и фактуры – радовать ускользающим отражением внешнего мира. Можно сказать, что Ильющенко хотел соединить умозрение рельефов Арпа с воздухом полотен Венецианова. Задача, прямо скажем, архитектурная, если вспомнить поиски и муки Александра Иванова, его попытки соединить «умозрение» академических форм с впечатлениями от живой природы.

Еще одна характерная черта мастера – любовь к музыке. Она не случайна: музыка по своей природе есть выражение нематериального в искусстве. Временной характер музыки противостоит пространственному характеру живописи. И понятие «статического движения» вдохновляло Ильющенко в поисках, задевая тем самым проблему – ни много ни мало – самого мироздания. Ведь в мироздании противоположность и есть тайная основа мира.

Александр Щербинин

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

"Художник о художнике".
О творчестве Л. Федотьевой
Автор Ю. Павлов

О выставке
"Этюд. Эскиз. Рисунок"
Автор Е. Колмогорова

"Мир образов Николая Бернацкого"
Автор Н. Рудых

"Ожившие традиции"
О выставке "Иван - чай" в ЦДХ
Автор Г. Климовицкий

Главный редактор: Р.Д. Конечна
Дизайн-концепт, логотип газеты - ОХ "ПРОМГРАФИКА" МСХ
Вёрстка: Д.Л. Митрофанов

Адрес редакции: Москва, Старосадский пер., д. 5
тел. +7 (495) 628-6058
Электронная версия газеты:
www.artanum.ru
Тираж 1000 экземпляров.